

«Все счастливые семьи, — писал Лев Толстой, — похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». И это отдельная история их несчастья. Этот союз был союзом талантливейших фамилий исторических кровей: Михалковых, Кончаловских, Вертинских. Подобные брачные селекционеры имеют место в аристократических кругах. Но семьи не получилось. Но брак не стал браком...

Юлия Правда. — 1993 — 24 сент. — с. 8.

Р О Д Н Я

Это была блистательная пара. Анастасия Вертинская могла бы всю жизнь играть в фильмах своего мужа, Никиты Михалкова, на первых ролях.

Она и играла на первых ролях, но не в его фильмах. Когда Вертинская сыграла в первом советском триллере, по Брюсову, вытянув игрою фильм, стало очевидно, что подлунный мир — это мир ее жизни. У нее зеленые глаза, глубокие и блестящие. На вечеринках она всегда выходит из круга присутствующих гостей, всегда сама по себе, стоит, обхватив руками талию, смотрит поверх голов, иногда цепляя взглядом чей-то взгляд, обращенный на нее, в короткие доли секунд решая вопрос очередной жертвы. У нее по-прежнему молодая и упругая кожа и абсолютно нет морщин...

Она эксцентрична и сумасбродна, как все настоящие актрисы и актеры на дороге к славе. Их власть огромна, обаяние губительно.

У него тоже чары. Но женщина-вамп не из его романа и даже не из его кино... «Люди — вы звери...» — зывала его героиня (так жалобно-жадно, погибая). Он нашел себе другую жену, совершенно бытовую женщину. Если условно считать быт гирями нашей жизни, то у каждого творческого человека и должны быть гири, притягивающие его к земле.

Оба «улетного» плана, они бы могли такого натворить... Они и оставили свое достойнейшее творение — сына. Зовут его Степан.

Степан тонок чертами. И лицом похож на мать. А голос — отца. Голос идет из ду-

ши. И лицо — отражение души. И, стало быть, нашлось там место и отцу, и матери. И вынуждены они там ужиться.

— Я бы не сказал про своих родителей, что это была идеальная пара. Оба — властные. Очень властные. Папе нужен человек, который бы сидел дома. Папа и нашел такую женщину. А мама такого плана человека так и не нашла.

В семье должен быть один кто-то главный. Двух главных в семье не бывает. К тому же они поженились очень молодыми. Им было по двадцать лет. И я только счастлив, что успел родиться...

У отца, кроме меня, еще трое детей: две дочки и сын. Старшая дочка и сын учатся во ВГИКе — Аня и Тёма. Она — на актерском, он — на режиссерском. Младшая дочь еще не поступила никуда, маленькая, но снимается в фильме отца в главной роли, который он сейчас снимает по своему сценарию, — «Шаровая молния». Фильм про 30-е годы...

— Когда родители разошлись, вы остались с матерью...

— В первую очередь моя мама — актриса. И жизнь наша поэтому была специфической, потому что свою профессию она часто переносила на жизнь. Вдруг кухня, улица становились сценой... Деревья или мебель — декорациями, ну а сумочка в ее руках — реквизит...

— А отец?

— К отцу нельзя равнодушно относиться. У него в жизни много скандалов. Ему завидуют, любят, его нечестно... Он человек сильный, а

сильных не любят. Он всегда полон планов. Сейчас он снял фильм о Чехове. Закончил телевизионный сериал о живописи, где картины оживлял с помощью звуков. У него миллион проектов, совершенно невыполнимых, на мой взгляд, но он за них держится...

— Он такой же в жизни, как на экране? Правится женщинам?

— Сказать, что он специально занимается тем, чтобы нравиться женщинам, я не могу...

— Помогали тебе в жизни отец и мать или помогала сама собой уже фамилия?

— Отец мне денег не дает и мама тоже.

— И все-таки фамилия срабатывала?

— Сначала я учился в 31-й школе, блатной, как считалось. Там учились дети артистов и интеллигенции. Там мы познакомились с Фёдей Бондарчуком. Фёдя был примерным учеником, а я самым отвратительным. Потом я поменял школ пять и учился даже в «Училище имени 1905-го года». После этого перешел в школу рабочей молодежи... Я такую развлекательную вел жизнь, что приказа поступать в институт и не было. Но был приказ идти в армию на перевоспитание. Отец служил во флоте. И как-то по дороге с дачи спросил: куда пойдешь служить? «Хочешь во флот?» — «Давай во флот». И меня «по большому благу» устроили на три года во флот. В Находку. По приказу начальника пограничных войск был уволен в запас одним из первых. Так меня не любили.

— Почему?

— А боялись со мной свя-

заться. Боялись, что из-за меня смогут «залететь». Поэтому и не любили. Увольнять из армии меня приехал начальник округа.

Прошло три дня после приказа. Мне надоело. А какое-то ЧП было в округе, и сказали, что всех увольнять будут в июле. Я позвонил деду и говорю: можно что-то сделать, чтобы меня побыстрее уволили? Он отвечает: «Можно». Проходит какое-то время. Я опять звоню. Он: «Я поговорил». Я: «Ну, а здесь пока все тихо».

В части погиб офицер, его тело нужно было сопроводить, и я таким образом собрался добраться до Москвы. Но меня вызвал командир части: «Когда собираешься домой?» Я: «Завтра». — «Не едешь. Едешь сейчас в город, покупаешь билет и докладываешь, на какое число». А у окна стоит, отвернувшись, начальник округа. «Вот еще... приказом начальника округа ты награждаешься знаком «Отличник погранвойск». «Служу Советскому Союзу!» — отвечаю я. Поехал и взял билет.

Затем вызывает начальник политотдела: «По приказу начальника округа ты награждаешься знаком «Отличник погранвойск». Это был второй знак...

Приезжаю в Москву. Звоню: «Степан, вы не могли бы зайти по вопросам, связанным с армией?» — «Куда?» — «Дзержинского, д. 1». — «?»... Прихожу. Сидит адмирал. «Как служил?» — «Хорошо». — «Ну, а на первом году ты подражал... в госпитале лежал?» — «Лежал». — «А говоришь «хорошо»... Ну ладно, по приказу начальника войск

ты награждаешься знаком «Отличник погранвойск»...

— Как мама относилась к службе в армии?

— Очень сильно переживала. Но вида не подавала. Присылала посылки с колбаской и конфетками, которые по дороге в кубрик я раздавал. Чтб меня любили. А меня все равно не любили...

— Что было после армии?

— После армии я поступил в иняз. Проучился два года, выучил английский и ушел оттуда на режиссерские курсы. Проучился два года. Закончил и стал снимать клипы. Потом мы с Фёдей Бондарчуком стали работать вместе и появилась у нас своя фирма «Арт пикчерз».

— Как отнеслись к этому ваши отцы?

— Сначала скептически: «Режиссеры теперь не нужны, они теперь клипы клепают». Отец считает, что клипы мешают глобально мыслить. Но ведь одно не мешает другому, и сейчас я запускаюсь с художественной картиной. Это грандиозный совместный проект. Фёдор и Сергей Фёдорович играют внука и деда. А действие происходит в горах, в Таджикистане. Ломовые пейзажи, бои, басмачи и прочие атрибуты боевика — не самое главное.

— Почему ты не захотел стать актером?

— Я снялся с одним сокурсником, но не был собой удовлетворен. Есть актеры, которые могут играть самостоятельно, без режиссера. Это относится к нашему кино. На самом деле актеру нужен очень мощный режиссер-диктатор...

— У нас было кино Тарковского, Михалкова, Климова, Бондарчука, Германа... После 85-го года в кино у нас провал. И вот сейчас выходит новое поколение: с него и начнется новая страница кинематографа?

— Сейчас существует такая ситуация, когда нет конкуренции. Мне, Фёде нет и тридцати... На тридцатилетних обрушилась свобода. И с нею они ничего не смогли сделать. Мы по-другому уже работаем.

— «Арт пикчерз» провела фестиваль «Поколение-93», второй по счету за время существования «Арт пикчерз». Но, к примеру, популярная передача «Кинопанорама» через некоторое время называет новые молодые имена и забывает про ваши.

— Я об этом думал в минуты мрачного настроения. Но этого не произойдет, потому что наша новая эстетика не перешла в лозунг. Мы открыли к тому же художественную галерею, выпотрошив и переоборудовав жэк. У нас грандиозный проект с полно-

метражным фильмом, т. е. мы... из сынков становимся сыновьями.

— Это звучит гордо, хотя в прессе недавно прогремела очередная кампания против фамилии, которую ты носишь. Это кампания по развенчанию твоего деда...

— Я за ней не следил. Но он человек талантливый и заслуживает уважения по количеству дел, которые он совершил. А про гимн что бы ни говорили, но все вставали, когда его исполняли.

— За что ты его любишь?

— Он замечательный и наивный. Очень сложно относиться к детям. Как говорит про него папа, он любит все детство человечества, а не конкретно кого-то. Мы видимся очень редко. Он не часто приезжает на дачу. А если приезжает, то на 15 минут. Если это зимой, он надевает все дубленки и все шапки, садится в кресло, смотрит 15 минут программу «Время» или нынешних «Новостей» и уезжает с дачи.

— С кем ты из братьев больше всего дружишь?

— Мне ближе всего по возрасту Андрона сын, Егор.

— Когда Андрон уехал в Америку, были ли у семьи из-за этого какие-то проблемы?

— Насколько я знаю, не было. И сейчас он вернулся. Он снял картину «Узкий круг» и хочет осуществить здесь ряд проектов. В частности, фильм о Романовых.

— Ты женат?

— Нет. И никогда не был. Но живу с Аллой. Она бывшая манекенщица. У нас ребенок. Дочь. Ей год и четыре месяца. Алла сидит дома и нянчит дитя.

— Что за мода не расписываться? Боишься развода?

— Фёдя Бондарчук уже расписался. Я не знаю, почему мы не расписываемся. Какой-то психологический барьер. Понятия муж и жена навевают на меня рутинную скуку. Мужу можно изменить. (Не хочется быть мужем). А немужу изменить нельзя...

— А чем ты увлекаешься?

— Люблю машины. Но на «Мерседес» денег еще не собирал. Езжу на «Фольксвагене». Еще люблю теннис. Играю с отцом. Люблю, когда он ослабнет, и я начинаю у него выигрывать, но так ни разу и не выиграл.

— А чем увлекается жена?

— Тем, что любит меня.

РЕЗАНОВ — ХОРОШИЛОВА.

Фото Максима МАРМУРА и Евгения УСПЕНСКОГО.

На снимках: Никита Михалков; Степан Михалков; Анастасия Вертинская с сыном Степаном. Фото конца 60-х годов.